

ХЛЕБОЗОРЫ

Ночь. Цикады звенят в травяной кузне.
Облепили столбы фонарей совки.
Черной глыбой вдали, горизонт сузив,
Выпирают на юг из земли сопки.

В темных пихтах тревожно кричат желны.
Разорвав в небесах полотно в клочья,
Загорится просвет молодым желтым,
Будто солнце оттуда встает ночью.

Остается мудреным словам верить:
Хлебозоры парят облаков выше,
Будто кто-то на миг распахнул двери —
И алтайскую рожь наяву вижу.

До нее, до родимой — в пыли версты;
Ястреб-птица и тот долетит редко.
И, каким ни казалось сухим, черствым,
Откликается сердце на зов предков.

Словно в Китеже, вечном святом граде,
Продолжается жизнь там своим ходом;
И хотя их покинул еще прадед,
Снится, будто и я с этих мест родом.

ХРАМ ПОКРОВА НА НЕРЛИ

Ходил на земле человек, стремился, к трудам навывкал —
Ты видишь и дерзкий размах, и значимость этих трудов, —
Но многим ль из них суждено остаться стоять на века,
Как храм Покрова на Нерли над прахом былых городов?

Сверни с проторенной тропы, пройдишь по колючей стерне,
Меж трав в перламутре росы, меж гулких высотных столбов;
Присядь, прислонившись спиной к обветренной белой стене, —
Укройся за кроткий оскал могучих владимирских львов;

Услышь с необъятных небес звенящую чудо-псалтырь,
Когда запоздалой весной поляны затопит река, —
И сонным видением вмиг исчезнут село, монастырь.
И даже вот эти кресты, и даже вот эта строка.

Растают мгновенья и дни, сотрутся обрывки имен,
Однажды и наша с тобой душа отлетит от земли.
Скажи, что виднеется там, за кромкой пространств и времен? —
Лишь храм Покрова на Нерли, лишь храм Покрова на Нерли...

ВИШНИ

Предоставил октябрь денек лишний:
Это надо же так — без дождя утро!
Я сажаю на заднем дворе вишни —
В сорок лет начинается жизнь будто.
Надо мной, завывая, гудит ветер;
Слабый кустик дрожит в наготе Ноя.
И никто не ответит на всем свете,
Отчего так тревожно в груди ноет.
Средь житейских невзгод и земных тягот
Ты тянись, принимайся, росток малый —
Я хочу, чтоб однажды твоих ягод
Неприменно набрали отец с мамой;
Чтобы жить им на этой земле долго
Даровал милосердно Господь Вышний.
В сорок лет начинается жизнь только —
Я сажаю на заднем дворе вишни.

* * *

Пусть за резным окном также цветет сирень,
Машет вишневый сад белым своим крылом.
Господи, сотвори в Твой Невечерний День
Нашей большой родне сесть за одним столом.
Внуки моих детей, предки моих дедов —
Пусть за трапезой той всякий найдет приют.
Буду идти, идти меж дорогих рядов,
Буду смотреть, смотреть, слушать, о чем поют.

Пусть надо мной рука время совет в кольцо,
Канет в небытие смерти слепой оскал.
Станет так просто вдруг каждого знать в лицо,
С каждым найти слова, с каждым поднять бокал.
Всех вековых обид память сгорит дотла.
Нечего мне просить, только скажу — изволь,
Боже, остаться здесь, сесть во главе стола
И разделить-поесть с нами Твои хлеб-соль.

* * *

Неправда, что павшим достаточно памяти близких!
Доехать, дойти и коснуться рукою оградки —
В часы пред рассветом покрыты росой обелиски —
Солдатские судьбы страны в алфавитном порядке.
Где мокла пехота и двигалась техника юзом,
Теперь, погляди, забаяканы страшной годиною,
Спят тихо герои всех малых местечек Союза,
Прижавшись друг к другу, как братья в утробе единой.
Ты станешь бояться, что все перепишут иуды,
И как-то иначе об этом расскажется в школах...
Но тысячи тысяч бойцов, погребенных повсюду!
Но дед мой, погибший в бою за деревню Вашково!
А дома все так же, лишь черный платок наготове,
И век до могилы здесь мнится особенно длинным —
Еще не однажды Сибирь обернется по-вдовьи
На сдавленный клич новгородских полей журавлиных.

ЛЮД ПОСКОННЫЙ

Не нужно все же люд посконный злить —
Когда личины желчны и сухи,
Не разобрать, кто ближний, а кто дальний;
А доведется Родину делить —
Не троньте нас, мы люди от сохи,
От очага, мехов и наковальни.

Слышем помехой, надо понимать,
Но правда есть, и мы стоим на ней
До искр из глаз, до юшки из-под носу.
И нас еще несет земляца-мать,
И верится — в круговороте дней
Не будет нам на сто веков износу!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Дождевая вода не успела пролиться,
Затворенное небо бесстрастно и глухо;
Между бледных созвездий легла кобылица,
Над землею навесив мухортное брюхо.

И струится с высот серебристая грива,
На сентябрьском ветру завивается в косы;
Удрученно глядит запоздалая нива,
Как морскою волной отливают покосы.

На асфальт перекрестий садовых дорожек,
Где налипшие листья прозрачны и квелы,
То рассыплется горсть пенопластовых крошек,
То роятся, роятся белесые пчелы.

И, хотя все серьезно, как быть или небыль —
Снег по-зимнему падает прямо за ворот, —
Кобылица проснется, откроется небо
И лучами замочет побеленный город.

ПОСИДИМ У КОСТРА

Спрячут небо в вершинах колючих усталые сосны,
Заслонив на века без того сокровенную суть.
Посидим у костра... Если хочешь, я буду серьезна;
К слову, вот тебе фляжка, давай-ка еще по чуть-чуть.

Нет, давай до краев и не чокаясь — знаю, не нужно,
Пусть в груди оборвется на этом последнем рывке;
Потемнеет в глазах, и походная медная кружка,
Застонав, как от боли, сломается в нервной руке.

А когда рассветет и костер догоревший потушат,
Может статься, последние эти туман и роса,
Мы домой побредем, словно голос сорвавшие души,
Пряча руки в карманах и в землю потупив глаза.

ГОРИХВОСТКА

Очнулась сумрачная рань,
Слезой скатилась капля воска.
Воспрянь, душе моя, воспрянь —
Уже проснулась горихвостка!
На верхней ветке примостясь
Под сенью горнего чертога,
Ликует, в листьях не таясь, —
Так ждут Творца, так славят Бога.
Не страшен хвляющему суд,
Гряди юдолию земною!
Лишь в час, в который понесут,
Спой, горихвостка, надо мною!

ПОТЕРПИ ОБО МНЕ

В благодатном саду расцвели благодатные вишни;
Горевой пустоцвет, что Тебе я на это скажу? —
Потерпи обо мне, не секи меня, Боже Всевышний,
Может статься, и я этим летом на что-то сгложусь.
Ты воззри на меня: я раба-чужестранца покорней —
Потрепало изрядно челнок мой житейской волной.
Только Сам окопай эти жалкие, голые корни,
Только Сам Ты удобри участок земли подо мной.
И, когда в другой раз Ты меня у дороги приветишь —
От обилия ягод склонюсь у всецедрой руки
И Тебе одному протяну я тяжелые ветви.
Потерпи обо мне и покуда меня не секи.

ЯСТРЕБ

А когда на отчий край псы не лезли-то,
Не скрывало воронье солнца ясного?!
Что ты ведал, милый друг, в жизни, если ты
Не держал еще в руках птицу-ястреба;

Не видал его полета былинного,
Оперения рябого, кольчужного?!
Он стрелой играет, словно былинкою,
Он чурается спокойствия чуждого!

Ястреб спит и видит зорькой рассветною
Золоченую хоругвь, поле чистое,
И хранит тепло плеча Пересветова
Сквозь столетья его лапа когтистая!

Эх, бывлые времена, невозвратные,
Промелькнули, словно сон, в Лету канули!
Покидали грешный мир люди ратные,
Но парили ястреба над курганами.

И сегодня, погляди, шутки в сторону, —
Надвигается, гремит мгла зловещая.
Пусть над Родиной моей зорким сторожем
Зависает ястребок, птица вещая!